

ПОХОДЫ УШКУЙНИКОВ ПО РЕКАМ ВОЛГЕ, КАМЕ И ВЯТКЕ

(по монографии В.Н. Бернадского *Новгород и Новгородская земля в 15 веке. М.-Л., 1961, с.36-50.*)

Бернадский Виктор Николаевич (1890 — 1959), д.и.н., заведующий и профессор кафедры истории СССР Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена. Область научных интересов - история России периода феодализма и Новгородских земель в средневековье.

В монографии «Новгород и Новгородская земля в XV веке». Л., 1961. В. Н. Бернадский использует весь наличный фонд источников по истории Новгорода — летописи, писцовые книги, акты. Применяя летописи, как источник, В. Н. Бернадский в критическом анализе данных, содержащихся в новгородских, псковских и московских летописных сводах опирается как на результаты многочисленных работ по истории русского летописания, так и на собственные изыскания. Характеристике ушкуйничества XIV в автор посвящает специальную главу («Походы ушкуйников на Волгу и Каму»).

С.37. Понятие «ушкуйничество» следует отнести к новгородским походам второй половины XIV и начала XV вв., которые составляют особый и весьма существенный этап в истории. Источники (летописи) пользуются термином «ушкуйничество» в хронологически ограниченном, вполне определенном, узком смысле.

Точный смысл термина, в каком его употребляют источники.

На страницах летописей термин «ушкуйники» встречается редко. Термин «ушкуйники» не знает и не использует Новгородская первая летопись. Он не встречается и в псковских летописях. Поэтому имеются все основания полагать, что этот термин не новгородского происхождения. Больше того, он, вероятно, не приобрел в Новгороде широкого распространения. Чаще всего термин «ушкуйники» встречается в московских и ростовских летописях, (особенно в Рогожском летописце и Симеоновской летописи). Проник он и в Новгородскую четвертую летопись.

Бесспорно, что слово «ушкуйники» происходит от слова «ушкой» (ускуй, скуй, вушкул), которым обозначался особый род судна, отличный от обычной речной ладьи. Термин «ушкой» (и близкие к нему) встречается несколько чаще, чем «ушкуйник», но также имеет весьма ограниченное распространение (Новгородская первая летопись не знает и термина «ушкой»).

Ушкуи и насады. Ушкой — большое гребное речное судно, пригодное для плавания по большим рекам; особый, отличный от насада тип судов. В ряде летописных сообщений термин «ушкой» чередуется с термином «насад». Термин «насад» — старинный русский термин, встречается в русской письменности с XI в. (*История термина «насад» освещена в обстоятельной статье Б. Л. Богородского: Об одном из терминов «Слова о полку Игореве» (насад—носад). Уч. зап. ЛГПИ, Т. 104, 1955.*)

Некоторые летописные сообщения содержат упоминания об одновременном участии в походе и ушкуев, и насадов. Так, в сообщении о походе 1391 г. на Жукотин читаем: «Новгородци и устюжане и прочий съвокупившеся выидоша в насадах и в ушкеех рекою Вяткою на низ». (*Москов. св., стр. 219; Симеон, л., стр. 141; Рогож, л., стлб. 10; Ерм. л., стр. 132; Воскр. л., стр. 61; Львов, л., стр. 210; Никон. Л. (ПСРЛ, X—XII), стр. 126*).

Вероятно, ушкуи были легче, чем насады; их можно было легко перетаскивать волоком. Это и делало ушкуи пригодными для далеких походов из одной речной системы в другую. Насады же, нужно думать, были крупнее и тяжелее ушкуев, что делало их непригодными для перевозакивания. Зато они, очевидно, были более удобны для плавания по большим полноводным рекам. В сообщениях о походе Анфала с Вятки на Каму, где не было перевоза, в летописи говорится только о насадах. (*Москов. св., стр. 239; Соф. II л., стр. 139; Типогр. л., стр. 175*). О походе Прокопа в 1375 г. некоторые летописи вначале говорят об ушкуях и о том, что позднее их заменяют насадами («Сами поидоши в насадах по Волге на Низ к Сарая»). (*Н IV Л, стр. 304; Лет. Авр., стлб. 102; Симеон, л., стр. 116; Рогож, л., стлб. 114*). Можно полагать, что в Булгаре дружина Прокопа не только распродала полон, но и заменила ушкуи насадами для похода вниз по Волге.

Внешний облик и устройство ушкуев неясны (иллюстрации к Лицевому летописцу при их схематизме не позволяют точно описать ушкуй). Размеры ушкуев определяются на основе летописных сведений о соотношении числа ушкуев и ушкуйников: в ушкуй вмещалось до 20—30 человек. У Прокопа в 70 ушкуях было «мало с полторы тысячи», а по некоторым сообщениям — даже 2000 чел. А. И. Никитский ограничивает вместимость ушкуя в 12 чел. (*А.И.Никитский. Военный быт Великого Новгорода. Русская старина, 1879, т.1, с.17*). Термин «ушкуй» начинает входить в употребление в XIV в., в Рогожском летописце он появляется под 1360 г.; **чаще всего встречается в конце XIV в.; в XV в. постепенно исчезает.** Можно полагать, что это слово приобрело хождение на Волге во второй половине XIV в., во время больших набегов новгородцев, которые пробирались на Волгу на необычных судах нового типа. Этот терминологический экскурс позволяет вернуть термину «ушкуйник» то историческое значение, в каком его употребляли источники (стр. 38).

В источниках походы ушкуйников фиксируются в двух отражениях — новгородском и московском (или точнее низовском). Термином «Низовская земля» в летописных сводах обозначаются собственно владимирско-суздальские земли, к юго-востоку от Новгорода Великого. Для новгородских летописцев это были походы «молодцев», отправляющихся в далекие края «без слова новгородского». Для московского (низовского) летописца — это набеги разбойников. Московские летописи нередко чередуют термины

«ушкуйники» и «разбойники», а иногда прямо сочетают их в двойное слово «ушкуйницы-разбойницы».

Таблица. Летописные сообщения о походах ушкуйников «без слова новгородского» (с.39).

Год	Место	Руководители похода
1320	Мурман	Лука и Игнат Малыгин
1339	Карелла	
1340	Устюжна и Белозерье	
1342	Двинская земля	Лука Варфоломеевич с сыном Онцифором
1348	Мурман	
1360	Жукотин	
1364	Югорская земля	Александр Авакумович и Степан Ляпа
1365	Волга и Кама	Есиф Варфоломеевич, Василий Федорович, Александр Авакумович
1366		
1369 г.	Волга и Кама	
1371	Кострома	
1374	Вяткою на Болгар и Волгу	
1375	Волга и Кама	Прокоп, Смолнянин
1377	Немецкие земли	
1379.	Арская земля	Рязан Станиславов
1391	Жукотин, Казань	
1392	Устюг	
1409.	Болгары	Анфал

Дополнение. Походы ушкуйников (по материалам выставки «Ушкуйники на Волге», Свяжск, 2016 г. и на основании Летописного свода)

1332 г.

1340 г.

1360 г. Того же лета новгородцы и Великого Новгорода ушкуйницы-разбойницы взяли град бесермянский на реке на Каме, нарицаемый Жюкомень.

1366 г. Во главе похода были крупнейшие новгородские бояре: Есиф Варфоломеевич, Василий Федорович и Александр Абакумович, но не стоявшие в эти годы у власти.

1371 г. Походы 1369—1371 гг. были не значительны, и летописи сохранили о них только краткое упоминание

1372 г.

1374 г. привлекает внимание путь, который выбрали ушкуйники. На 90 ушкуях спустились р. Вяткою («на низ Вяткою»), пограбили Вятку, взяли Булгар, хотели сжечь город, но ограничились отступным в 300 руб. После взятия Булгара 50 ушкуев ушли вниз по Волге к Сарая (о дальнейшей судьбе этого отряда летописи молчат), 40 ушкуев пошли в верх по Волге, «дошедшее Обухова, пограбиша все Засурье и Марквашь», затем, переехав Волгу, порубили все суда и «посуху на конех» двинулись к Вятке, пограбив по

пути села по Ветлуге.

1390 г. Тахтамыш послал на Вятку царевича Бехтута «и шед взя ю». Тохтамыш, при котором наблюдается временное усиление Орды, попытался выбить новгородцев из Вятки (откуда они предпринимали набеги на Южное Прикамье).

1391 г. Новгородцы и устюжане, а к ним и другие присоединились, пошли в поход по реке Вятке на Жукотин и Казань. Затем, выйдя на Волгу, пограбили «гостей всех» и вернулись восвояси.

1392 г. В конце зимы и в начале весны ходили новгородцы на Устюг Великий, волости пожгли и села пожгли, много пожгли

1393 г. Из Заволочья отряды Анфала поплыли на насадах и ушкуях, взяли город Устюг и огнем пожгли, церковь соборную разграбили, захватили казну, много золота, оклады с икон ободрали.

1409 г. Новгородский посадник Анфал ходил с войском про болгар по реке Каме прошла сто насадов, а по реке камские насады и не успели подойти. И напали на низ татары, всех убили, а самого Анфала захватили в плен и отвели в Орду. Новгородский отряд из Заволочья по Двине, в верх по Сухоне вышел Костромю в Волгу. Из Костромы отряд двинулся к устью Камы «на совет Анфалу», по пути взяв Нижний Новгород. Но встретиться с Анфалом волжскому отряду не удалось, так как жуковинские и болгарские князья сумели обманом взять Анфала («...яша его лестию в Каме»).

1417 г. Боярин князя Юрия Дмитриевича Глеб Семенович с новгородскими беглецами Семионом Жадовским и Михаилом Рассохиным, а с ними и вятичи с устюжанами тайно отплыли на кораблях и завоевали земли Двинскую и Заволочскую, Борок, принадлежащий детям Ивана Васильевича.

А Василий Юрьевич, сын новгородского посадника Самсона Ивановича Гавриил Кириллович и его брат Григорий Кириллович, объединившись с заволочанами, бросились за ними в погоню. Некоторых захватили в плен, одним удалось убежать, а другие были убиты.

(С.39). До 1360 г. походы новгородских молодцев направлялись в области, издавна являвшиеся объектом новгородских притязаний (Мурман, Карела, Двинские земли, Белозерье). С 1360-х гг. обозначается новое направление новгородских походов. Тогда же впервые входит в употребление термин «ушкуйники».

1360 г. В Рогожском летописце (Рогожский летописец - тверская (точнее, кашинская) переработка начала XV в. московского летописного свода кон.XIV-нач.XV вв. («Свод 1408 г.»). Б.М.Пудалов. Анализ летописных известий о событиях в Нижнем Новгороде в 1363-1365 гг.) помещено следующее сообщение: «Того же лета новгородцы и Великого Новгорода ушкуйницы-разбойницы взяша град бесерменский на реце на Каме, нарицаемый Жюкомень и за то прогневались погани бесермена... И бысть съезд всем князем русьским о разбойницах на Костроме: князь великий Дмитрий Костянтинович, брат его старейший князь Андрей, Нижнего Новгорода, князь Константин Ростовьский, князь Андрей Федоровичи». (Рогож, л., стлб. 69; см. также: Устюж. л., стр. 52. Краткое сообщение о

походе на Жукотин и в Соф. I л. (ПСРЛ, V, стр. 229), Никон, л., (ПСРЛ, X, стр. 232). О съезде князей и наказании разбойников (но без упоминания о том, что это были новгородские ушкуйники) сообщение сохранилось и в Троицк, л. (стр. 377) и в Москов. св. (стр. 181) и в других летописях). Это первое упоминание о походе ушкуйников на Волгу и Каму отмечает не только гнев «бесермен», но и выступление нижегородско-суздальских князей. Созыв съезда князей под руководством Дмитрия Константиновича, бывшего в то время великим князем, позволяет сделать вывод о том значении, которое придавали действиям новгородских ушкуйников суздальско-нижегородские князья (с.39). Выступление русских князей на защиту татарских купцов, пострадавших в Жукотине, объяснялось (на это прямо указывает летопись) требованием со стороны хана Хидыря, сидевшего в то время в Сарае, наказать разбойников. По жалобе жукотинцев Хидырь отправил к русским князьям послов. «Взведоша из Орды посла жукотинци о разбойницех и бысть всем князем съезд на Костроме». (Москов. св., стр. 181; Симеон, л., стр. 100). Князья выдали захваченных ушкуйников. В результате похода на Жукотин от татар пострадали русские, находившиеся в земле болгар («...за то разбойничьство крестьяне пограблени были в Болгарех»). (Никон, л. (ПСРЛ, т. X), стр. 232), что дополнительно вызвало недовольство русских князей. Но источники не содержат никаких указаний на то, что во время похода на Жукотин ушкуйники грабили русских купцов. Место съезда (Кострома), вероятно, было выбрано не случайно (не у Костромы ли выходили на Волгу ушкуйники?). По крайней мере в описаниях следующих походов Кострома упоминается чрезвычайно часто. Первый Жукотинский поход новгородцев получил дальнейшее развитие в действиях ушкуйников на Волге в 1365—1366 гг.

О событиях 1365—1366 гг. летописи сохранили более подробные сообщения, чем о походе на Жукотин в 1360 г. Даже Новгородская первая летопись на этот раз нарушила обычное молчание, не столько потому, что в походе принимали участие крупнейшие новгородские бояре, сколько потому, что поход на Волгу повлек за собой столкновение с Москвой и новгородские власти считали нужным оградить Новгород от обвинений со стороны великого князя. Рассказ Новгородской первой летописи о самом походе краток: летописец ограничился указанием имен руководителей да неопределенным обозначением направления похода «на Волгу». Зато он счел необходимым подчеркнуть, что поход был предпринят «без новгородского слова». Сообщения низовских летописцев освещают, главным образом, действия ушкуйников на Волге. Можно различить два варианта низовских рассказов о походе 1366 г. (Не исключена возможность того, что здесь речь идет о двух разных походах ушкуйников).

1-й вариант (Новгородская первая летопись)	2-й вариант (низовские летописи)	3-й вариант (низовские летописи)
<p>«Ездиша из Новагорода люди молодьи на Волгу <u>без новгородьчкого слова</u>, а воеводою Есиф Валфромеевич, Василий Федорович, Олександр Обакумович, того же лета приихаша вси здрави в Новгород». (Н I Л, стр. 369).</p>	<p>«Того же лета проидоша из Новгорода из Великого Волгою полтораста ушкуев с разбойники новгородскими и избиша по Волзе множество татар, и бесермен, и Орман, и Новгород Нижнии пограбиша, а суды их, кербаты, и повозки, и лодьи, и учаны, и струги все изсекоша и поидоша в Каму и проидоша до Болгар; такоже творяще и воююще». (Москов. св., стр. 183. Симеон, л., стр. 104; Рогож, л., стлб. 81; Типогр. л., стр. 124; Воскр. л., стр. 13; Никон, л. (ПСРЛ, XI), стр. 6.)</p>	<p>«Пришли новгородци в ушькуих, а воеводы Есиф Вальфромеевич, Александр Обакумович, на нижний Новгород и много бесермен избиша под Нижним Новыми городом, а наших пострелише Филипа Утреткина и Бориса Квашенькина и два человека». (Лет. Авр., стлб. 92; с небольшими вариациями в Н IV Л, стр. 292).</p>

Низовское происхождение 2-го и 3-го вариантов очевидно. Рассказчиков не интересует вопрос о том, шли ли молодцы «без слова новгородского», — они заняты действиями «разбойников», избиением ими «бесерменских» купцов. Низовское происхождение третьего варианта выступает и в наименовании убитых Утреткина и Квашенькина «нашими». Таким образом, в летописях встречаются три варианта рассказов о походе на Волгу в 1366 г. (Во многих сводах фигурируют в сочетании оба варианта. Так было уже в Троицк, л. (стр. 382). Никоновская летопись приводит новгородский рассказ, приняв из него указание на то, что поход был предпринят «без наугородьчкого совета», но по своему окрасив это сообщение (вместо «люди молодьи» Н I Л — «младыя дворянчики»; вместо «приихаша вси'здрави в Новегород» — «приидоша в Новегород с многою корыстию»). Второй вариант низовского рассказа приведен полностью (только число ушкуев увеличено до 200). Из третьего варианта взято указание на то, что в Нижнем Новгороде пострадали и местные гости).

Во главе первого крупного похода ушкуйников на Волгу (1366 г.) были крупнейшие новгородские бояре (Есиф Варфоломеевич, Василий Федорович и Александр Обакумович), но не стоявшие в эти годы у власти. Участие в походе крупнейших новгородских бояр, располагавших значительными средствами,

объясняет размеры предприятия. Полтораста ушкуев представляли такую силу, с которой никто не мог справиться ни на Средней Волге, ни на Каме. Выйдя на Волгу, ушкуйники спустились к Нижнему Новгороду, а затем с Волги прошли в Каму. Действия ушкуйников в основном были направлены против восточных купцов (татар, армян, «бесерменов», болгар). Русские купцы пострадали только попутно. Второй вариант низовского рассказа совсем не упоминает о русских купцах, в третьем варианте упоминается о четырех «наших». Поход 1366 г. вызвал, как и в 1360 г., возмущение со стороны великого князя (в 1366 г. им уже был Дмитрий Иванович): «за то князь великий Дмитрий Иванович розгневался и розверже мир с новгородци» (*НЛ*, с. 369).

Походы 1369—1371 гг. были не значительны, и летописи сохранили о них только краткое упоминание (с.42).

1374 г. Весьма значительный по своим размерам поход Вяткою на Болгар и Волгу, в летописях описан подробно. Этот поход привлек внимание, прежде всего выбранным путем. На 90 ушкуях они спустились р. Вяткою («на низ Вяткою»), пограбили Вятку, взяли Булгар, хотели сжечь город, но ограничились отступным в 300 руб. После взятия Булгара ушкуйники разделились на две части: 50 ушкуев ушли вниз по Волге к Сараю (о дальнейшей судьбе этого отряда летописи молчат), 40 же ушкуев пошли в верх по Волге, «дошедшее Обухова, пограбиша все Засурье и Марквашь», затем, переехав Волгу, порубили все суда и «посуху на конех» двинулись к Вятке, пограбив по пути села по Ветлуге. (*Москов. св., стр. 189; Симеон, л., стр. 114; Львов. л., стр. 195; Рогож, л., стлб. 106; Типогр. л., стр. 129—130; Ерм. л., стр. 118. Рассказ с небольшими вариациями повторен: Воскр. л., стр. 21; Никон, л. (ПСРЛ, XI), стр. 20; Троицк, л., стр. 396*). Таким образом, в походе 1374 г. ушкуйники пробрались дальше на восток и юг, чем в предшествующие годы (с.42).

1375 г. поход Прокопа, Волга и Кама. Сравнительно подробно отражен в летописях (Новгородская первая летопись и в этом случае упорно молчит). Общий ход событий во всех летописных сводах изображается одинаково. Выделены три основных эпизода: взятие Костромы, поход на низ и гибель Прокопа. Руководитель новгородец Прокоп, не боярин. Рядом с ним в качестве руководителя называется Смольнянин. Вольная дружина состояла из новгородских, и не только новгородских, удальцов.

Ушкуйники вышли на Волгу, как бывало и ранее, по р. Костроме («выидоша рекою Костромою»). Числом их было не то 2000 (*Ерм. л., стр. 119*) не то 1500 («...людей с полторы тысячи», «и самых мало полторы тысящи») (*Тверск. л., стлб. 435—436; Лет. Авр., стлб. 101*). Число ушкуев везде названо одно и то же — 70. В бою с костромичами ушкуйники показали и смелость, и военное искусство. Разделив свои силы на две части, они отправили половину в засаду в лес и затем ударили на численно превосходивших их костромичей «в лице и в тыл». Костромской воевода Плешей, «подав плещи, побежа к Костроме». Костромичи частью были перебиты, частью пленены, а частью разбежались по лесам.

Никем не обороняемая Кострома была разграблена ушкуйниками, которые стояли в городе целую неделю и разграбили его «до конца». Добра было захвачено столько, что ушкуйники «не все товарное с собой поправодиша», взяв с собой только «лучшее и легчайшее, а прочее тяжкое излишнее множайшее в Волгу вметаша и глубине предаша, а иное огнем пожгоша». «И множество народа христианского полониша муж, и жен, и детей, и девиць с собою попроводиша и отъидоша от Костромы» (с.43).

Дальше ушкуйники двинулись вниз по Волге, пограбили и сожгли Нижний Новгород, захватив в нем много всякого добра и полона. После разгрома Нижнего Новгорода ушкуйники пробрались на Каму, там «помедлиша несколько время», и вернулись на Волгу. Затем, дойдя до Булгара, они распродали там «христианский полон» («испродаша бесерменом или костромьский или Нижнего Новгорода, жены и девицы»).

Из Булгара, сменив ушкуи на насады (*Лет. Авр., стлб. 102; Н I Л, стр. 304; Рогож, л., стлб. 114; Симеон, л., стр. 116*) дружина Прокопа двинулась на юг к Сараю, «гости христианския граблячи, а бесермен бьючи». Она дошла до устья Волги «до града некоего именованем Хазитороканя». Но князь астраханский Салчей «лестию избил их всех» (*В чем заключалась «лесть» Салчая, ни один из ранних летописных сводов не объясняет. По словам же Никон. л., «Салчей начат ухищряти их лестию и многу честь и кормы даяти им; они же начата упиватися и быша тиани, аки мертвы. Астороканцы же всех избита» (ПСРЛ, XI, стр. 24). Здесь, скорее всего, имеется характерный для «прагматизма» Никон, л. домысел*), «ни един от них не остался, а имение их все взяша бесерменеве».

Рассказ о походе Прокопа заканчивается возгласом: «Такова бысть кончина Прокопу и дружине его» или поучением: «Тако погибоша злии ти разбойници, яко же рече Христос: „В ню же меру мерите, възмерится вам“». В основе летописных сообщений о походе Прокопа может лежать самостоятельное литературное произведение, своего рода «Слово о злых разбойниках», составленное по живым воспоминаниям о событиях 1375 г. на Волге. (*Рассказ о походе Прокопа в подробном варианте включен в: Москов. св., стр. 191—192; Типогр. л., стр. 131—132; Симеон, л., стр. 116; Рогож, л., стлб. 113—114; Лет. Авр., стлб. 101—102; Соф. I л. (ПСРЛ, V), стр. 235; Н IV Л, стр. 303—304; Воскр. л., стр. 23. В сокращенной редакции он приведен: Ерм. л., стр. 119—120; Львов, л., стр. 19. Краткий рассказ о событиях 1375 г. дает Тверск. л. (стлб. 435—436).* Желание рассказчика показать, как были наказаны злые «разбойники», — побудило его особенно подробно остановиться на разграблении Костромы и на продаже ушкуйниками «бесерменам» христианских пленников. Все же рассказчик не скрывает того, что у ушкуйников было различное отношение к русским и «бесерменским» купцам: «Гости христианския г р а б я ч и, а бесермены б ь ю ч и» (*В Никон. л. сокращено с искажением смысла: «Гости христианския грабляша и бьюще», или: «Бесермен*

избивающе гостей, а товар их емлюще, а хрестьяны грабяху», — отмечают летописи). Таким образом и этот поход ушкуйников был направлен своим острием против «бесерменов» (с.44).

Дальнейшие походы ушкуйников на Волгу описаны в летописях чрезвычайно кратко. Это, очевидно, нужно объяснять, прежде всего, их незначительными размерами. Влияло и то обстоятельство, что эти походы в слабой мере затрагивали русские земли. В 1386 г. в ходе переговоров Новгорода с Дмитрием Донским был поставлен вопрос о «винных людях за Вольжаны, что в путь ходили», и новгородцам пришлось уплатить за них серебро. Упоминания об ушкуйниках встречаются еще в течение тридцатилетия.

1379 г. летопись сообщает: «Того же лета вятчане ходиша ратью в Арскую землю, и избиша разбойников-ушкуйников и воеводу их Рязана изнимавше убиша». (*Москов. св., стр. 201; Симеон, л., стр. 129; Рогож, л., стлб. 138; с небольшими изменениями в Типогр. л., стр. 143; повторено в Воскр. л., стр. 34 и Никон, л. (ПСРЛ, XI, стр. 45).* В последней имя воеводы ушкуйников изменено: он назван *Иваном Рязанцем, Станиславовым сыном*). **В этом сообщении, как и в рассказе о походе 1374 г., исходным пунктом названа Вятка,** и самый поход был направлен в Арскую землю, т. е. на нижнюю Вятку и в Прикамье. (с.44).

1390—1392 гг. походы новгородцев и устюжан в насадах и ушкуях р. Вяткою на Жукотин и Казань. (*В Львов, л. (стр. 210) и в Ерм. л. (стр. 132) это сообщение приведено под 6898 г.; в Симеон, л. (стр. 141), Рогож, л. (стлб. 160—161), в Никон, л. (ПСРЛ, XI, стр. 126) — под 6899 г.; в Воскр. л., (стр. 61)—под 6900 г.*) Сообщение это помещено вслед за записью о походе татар на Вятку: «Того же лета Тахтамыш посла на Вятку царевича Бехтута и шед взя ю». Таким образом, ход событий 1390 г. может быть восстановлен в таком виде. Тохтамыш, при котором наблюдается временное усиление Орды, попытался выбить новгородцев из Вятки (откуда они предпринимали набеги на Южное Прикамье). В ответ на это новгородцы и устюжане (а по Рогожскому летописцу и Московскому своду и «прочие») (*«Новгородцы Новгорода Великого да и устюжане гражане и прочий к тому совокупившиеся» (Рогож, л., стлб. 160; Москов. св., стр. 219),* спустившись Вяткою, взяли Жукотин и Казань, затем, выйдя на Волгу, пограбили «гостей всех» и вернулись восвояси «со многою корястию и богатством» (*Никон.л.*). Под «всеми гостями», которых пограбили ушкуйники, вероятно, нужно понимать восточных купцов, ибо нет никаких упоминаний о волжских купцах в переговорах между Новгородом и Москвою в эти годы. Показательно также участие в этом походе устюжан, тянувших не к Новгороду, а к Москве. (с.45.).

Дальнейшим продолжением борьбы в этих землях явились походы новгородского изгнанника Анфала, о которых сохранились только отрывочные

сведения. В Московском своде конца XV в. помещено следующее сообщение: «Ходи Анфал на Болгары Камою и Волгою 100 и 50 насадов и избиша их в Каме Татарове, а Анфала яша и ведоша в Орду, а волжские насады не поспели» (*Москов. св., стр. 239; см. также: Соф. I л. (ПСРЛ, V), стр 257; Соф. II л., стр. 139; Типогр. л., стр. 175*). В этом сообщении остается непонятным, откуда шли волжские насады, которые должны были встретиться с камским отрядом. По Тверской летописи в походе принимали участие и новгородцы из Заволочья, вышедшие на Волгу Костромою («Поидоша Новгородци из Заволочи а по Двине в верх Сухоною и вышли Костромою в Волгу»). Из Костромы отряд двинулся к устью Камы «на совет Анфалу», по пути взяв Нижний Новгород. Но встретиться с Анфалом волжскому отряду не удалось, так как жукотинские и болгарские князья сумели обманом взять Анфала («...яша его лестию в Каме»). (*Тверск. л., стлб. 485.*)

Походом Анфала 1409 г., в котором принимали участие и новгородцы, заканчиваются походы ушкуйников на Волгу, продолжавшиеся около 50 лет (с.45).

Летописные сообщения позволяют уточнить **направление походов и их пути**. Основной целью походов ушкуйников являлись не русские города, несмотря на то, что от их набегов не раз страдали и Кострома, и Нижний Новгород. Ни один из походов ушкуйников не заканчивался в этих землях. Ушкуйники порою проходили через них и «походя» грабили Кострому и Нижний Новгород, но конечную цель они видели дальше. Так было в 1366 г. и в 1375 г. (Вероятно, так же было и в 1360 г.). Многие же походы ушкуйников (например, в 1374 г. и 1379 г.), минуя русские волжские земли, направлялись непосредственно в Нижнее Прикамье и земли Булгар. С первого сообщения об ушкуйниках (1360 г.) до последних новгородских походов в 1390—1391 гг. и похода Анфала в 1409 г. постоянно упоминается Жукотин (с.45).

Основные пути походов ушкуйников на Волгу проходили по рекам Костроме и Вятке. Из этих путей чем дальше, тем больше выдвигается путь по Вятке (походы 1374 г., 1379 г., 1390—1391 гг.). Иногда, как в походе 1409 г., были использованы оба пути. Эти пути были известны новгородцам и до походов ушкуйников; в 1324 г. князь Юрий Данилович пробирался «в Орду из Заволочья по Каме-реце» (*Москов. св., стр. 167*).

Исходной базой движения ушкуйников следует, по-видимому, считать не собственно новгородские земли, а Верхнее Подвинье. Отсюда шли речные пути к верховьям Костромы (и, может быть, также Унжи и Ветлуги). Это предположение находит подтверждение не только в изучении карты речных путей, но и в некоторых сообщениях летописи. В сообщении о походе 1390—1391 гг. в летописи прямо указано участие в походе устюжан. Об активном участии заволочан в походах на Волгу говорят и условия соглашения в Ямнах в

1386 г. Из 8000 руб. серебра 5000 руб. новгородцы взяли с заволочан, «занеже заволочане были же на Волге» (*Н IV Л, стр. 347*). В 1392—1393 гг. (во время размирья с Москвой), новгородцы подошли к Устюгу на насадах и ушкуях из Заволочья. Исходным пунктом похода Анфала в 1393 г. является Заволочье («...из Заволочиа, по Двине в верх Сухоною и вышли Костромою в Волгу») (*Симеон, л., под 1393 г.: «Новгородци собравше воя многи водою в судах множество насадов и ушкучев приведше с Двины ратью взяша град Устюг весь» (стр. 279); Типогр. л., стр. 169; Воскр. л., стр. 63; Никон, л. (ПСРЛ, XI), стр. 155*). В свете этих сообщений представляется весьма вероятным предположение, что сами ушкуи строились в Верхнем Подвинье и отсюда перетаскивались волоками к верховьям рек Волжского и Камского бассейнов (с.46).

Характер походов ушкуйников свидетельствует, что они шли за добычей, за пленяниками, грабили и сбывали награбленное. Они не ограничивались разгромом городов, но проходили «грабляче» соседние области, Засурие, Марквашь, Арскую землю. Ушкуйничество было попыткой путем походов в Среднее Поволжье и Нижнее Прикамье расширить территорию новгородских волостей, т. е. территорию, с которой собирали дань. Походы ушкуйников на Волгу и Каму отличались не только направлением, но и размерами отрядов. Походы направлялись в далекие и сравнительно заселенные края, Но, при этом, ни одна территория не была «взята на щит», т.е. не было подчинена Новгороду Великому. В походы за добычей отправлялись на ушкуях не десятки воинов, а сотни, порою даже тысячи. Большие походы XIV в. на Волгу были организованы не государством, а боярами «без слова новгородского». Крупнейшие новгородские бояре располагали значительными средствами, чтобы снарядить и вооружить сотни людей. Восток же и север манили к себе возможностями быстрого и легкого обогащения. Эти походы сулили добычу (с.47).

В середине XIV в. господствовавшая в Поволжье Золотая Орда, вступила в полосу длительной «замятни», а новая сила, — объединяющаяся вокруг Москвы Великороссия, — еще не укрепилась на Волге. Первый поход новгородских ушкуйников на Жукотин в 1360 г. был предпринят тогда, когда после убийства Джанибека в Орде развернулась кровавая борьба за власть между разными группами татарских феодалов. В ходе внутренних смут эфемерные правители Сарая потеряли власть над Средним Поволжьем и Прикамьем. Здесь возникали одно за другим небольшие ханства под властью того или иного ордынского выходца. Распад золотоордынского государства в 60-х гг. XIV в. создал благоприятную обстановку для выступления новгородцев на Волге (с.48-49).

Власть хана Золотой Орды над Булгаром удалось на некоторое время восстановить только Тохтамышу. По сообщениям летописей, перед походом на

Москву в 1382 г. Тохтамыш послал татар в Булгар и велел там «торговцы русские избити и гости грабити», а суда их захватить для перевоза. А в 1391 г. Тохтамыш послал войско против Вятки, ставшей, к этому времени, важной базой для походов в Среднее Поволжье («Царь Тахтамышь посла царевича именем Бектута на Вятку ратью, он же шед взя Вятку, а люди посече, а иные в полон поведе»). Ответный поход новгородцев и устюжан на Жукотин и Казань показал, насколько непрочно были успехи Тохтамыша. Борьба новгородцев за Нижнее Прикамье продолжалась и в первом десятилетии XV в. (походы Анфала).

Походы ушкуйников на Волгу были прекращены благодаря успехам объединяющейся под руководством Москвы Великороссии. Если Костромской съезд князей в 1360 г. оказался не в силах пресечь начинавшиеся походы новгородских ушкуйников на верхнюю Волгу, то властное выступление великого князя московского в 1366 г. уже сыграло сдерживающую роль. А после того как победитель на Куликовом поле продиктовал Новгороду в Ямнах в 1386 г. условия мира и взыскал за набеги на Волгу 8000 руб., ушкуйники уже не смогли больше ходить на верхнюю Волгу. Их главной дорогой стала р. Вятка, а не р. Кострома. В конце XIV в. на средней Волге усилилось влияние великого князя московского (с.50).

Ушкуйничество XIV в. — своеобразное, специфически новгородское явление, попытка, завладеть на волжских просторах богатствами средневожских городов и «бесерменских» купцов; попытка кратковременная, но втянувшая широкие круги новгородских бояр и плебейства. Формы, в которые вылилось движение, его бурный и буйный характер отражают социально-экономический строй Новгорода во второй половине XIV в.

*Материал подготовлен Сенниковой Л.А., научным сотрудником музея,
к.и.н.*